

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

В. Н. Ярцева

МОРФОЛОГИЗОВАННЫЕ И НЕМОРФОЛОГИЗОВАННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В сопоставительных типологических исследованиях решение вопроса о связи формы и содержания оказывается особенно важным из-за множественности средств выражения в языках тождественных или сходных значений. Проблема отправной точки исследования (от формы к содержанию или от содержания к форме) по-прежнему остается актуальной и получает в различных лингвистических направлениях то или иное толкование. Введение понятия «уровневой» стратификации языка не привело к прекращению споров относительно демаркационных линий между различными отделами грамматики, а вызвало их обострение, так как конкретные лингвистические изыскания выявили перекрестные связи между различными уровнями в структуре языков мира.

Понимание языка как системы, отдельные части которой соотнесены друг с другом, дает возможность определить пограничные участки отдельных микросистем, в зоне которых происходят те или иные изменения. Наблюдения показывают, что изменение, происходящее в структуре языка, чаще всего возникает на стыках различных уровней, примером чего могут служить хорошо известные факты грамматизации фонетических явлений, лексикализации синтаксических групп и т. д. Разнохарактерность отдельных сторон языка — его звукового, грамматического и лексико-семантического состава — приводит к тому, что изменения, затрагивающие одно из звеньев системы языка, своеобразно отражаются на других участках этой системы.

Качественная характеристика языковых элементов имеет значение как для синхронии, так и для диахронии, однако именно при сопоставлении двух периодов развития одного языка или систем двух языков, различных по структуре, выявляется функциональное многообразие внешне сходных элементов. Можно думать, что сама коммуникативная функция языка требует ограниченного числа используемых структурных моделей и определенных пределов их варьирования. Вместе с тем, хотя в каждом языке заметно стремление оперировать немногочисленными мо-

делями с более широким диапазоном их варьирования, число элементов языковой подсистемы и моделей, в ней используемых, зависит от специфических черт того или иного уровня системы языка.

Значения, выражаемые в пределах одного уровня языка, могут в ряде случаев иметь свое синонимическое отображение в других уровнях языковой структуры. Подобные явления отчетливо фиксируются при сопоставлении материала различных языков вне зависимости от того, направлено ли исследование на выявление функции той или иной модели в сопоставляемых языках или ведутся поиски средств выражения данного значения в каждом из сравниваемых языков. Представляется, однако, более целесообразным в подобных случаях исходить из значения, которое может быть передано средствами языка, как адекватного воплощения мыслительной человеческой деятельности. Понятия, выраженные в системе языка и дающие сеть грамматических категорий по формам своей реализации, далеко не всегда имеют однозначное и непротиворечивое соотношение с семантической структурой уровней стратификации языка. Еще меньше шансов ожидать параллельных коррелятов тем или иным грамматическим категориям в представителях различных языковых систем. Положение об изоморфности языковых структур, плодотворно разрабатывавшееся во многих лингвистических работах последних десятилетий, имеет тем не менее свои ограничения.¹

Грамматическую категорию мы рассматриваем как значение, систематически выражаемое в формообразовании, а также в словосочетаниях. Те грамматические категории, которые находят свое выражение в словосочетании, должны рассматриваться в разделах синтаксиса. Трудно отрицать влияние формы выражения на саму типологию грамматических значений, передаваемых в тех или иных ярусах языковой структуры. Опасно было бы только абсолютизировать различия разных грамматических структур, выделяя только несводимость и игнорируя возможные случаи их перекрестных связей. В этом отношении был прав В. Г. Адмони, когда писал: «Основной недостаток в преобладающем ныне понимании уровней — это их абсолютизация, их резкое противопоставление друг другу, такое их разграничение, которое исключает возможность их взаимодействия и взаимопроникновения. В частности, это касается грамматики. Разные уровни грамматики оказываются абсолютно разобщенными».² В действительности многие грамматические процедуры, характеризующие один уровень, могут оказаться необходимым компонентом другого уровня. Достаточно указать на такой прием синтаксической связи слов в предложении, как согласование (иногда также управление), которое осуществляется путем изменения формы слова и поэтому зависит от специфики построения парадигматических рядов в данном языке.

Мы определяем парадигму как совокупность форм данного слова, и поэтому только те грамматические значения, которые

находят свое выражение в парадигме, могут считаться принадлежащими к морфологическому уровню данного языка. Это положение не исключает того, что сам парадигматический ряд может иметь различную структуру и реализовываться на основе либо синтетических, либо аналитических приемов. Некоторые лингвисты, понимая парадигматику и синтагматику как формы или виды функционирования языковой структуры, различают парадигматику и синтагматику, с одной стороны, и морфологию и синтаксис — с другой. Поэтому они считают возможным утверждать, что парадигматика и синтагматика характерны для обоих разделов грамматики.³ Однако, с нашей точки зрения, если еще возможно говорить о своеобразной «парадигматике» синтаксических моделей, подразумевая под этим последовательность в ряду моделей, относящихся друг к другу как варианты некоего инварианта, то область синтагматики целиком относится к синтаксису, где реализуются формы соединения (сцепления) последовательностей единиц в различных синтаксических объединениях. Иное дело, что многие синтаксические структуры выявляются как имеющие «опору» в морфологии. Можно согласиться с Б. Н. Головиным, что «синтаксические значения слову как таковому, слову вне конструкции предложения не свойственны. Эти значения присущи не словам как членам морфологических словесных классов, а словам, занявшим ту или иную позицию в предложении, то есть ставшим элементами синтаксической структуры. Именно поэтому слова, различные по морфологическим значениям, могут оказаться тождественными по синтаксическому значению».⁴

Как уже упоминалось, на типологии грамматических значений не может не сказываться сам характер их структурнограмматического оформления. Однако при сопоставлении материала различных языков даже для единиц тождественного строения приходится учитывать ряд дополнительных обстоятельств их функционирования в данном языке. Структура модели, принадлежащей любому языковому уровню, не содержит сама по себе никаких показателей, подсказывающих частотность ее употребления. По вопросу о частотности (которая всегда является величиной относительной) следует, на наш взгляд, различать две возможности: во-первых, емкость самой модели, то есть диапазон заменяемости ее членов, и, во-вторых, частоту употребления самой модели. Последнее, естественно, предполагает сравнение данной модели с ее возможными синонимами с точки зрения соотносительной частоты их употребления. При этом надо принимать во внимание; а) высокую частотность, могущую быть результатом единичности самой модели (то есть отсутствия параллельных синонимов); и б) высокую частотность, объясняемую условиями коммуникации (то есть коммуникативной ценностью самой модели).

Вариантность синонимических значений всегда имеет определенную коммуникативную ценность, и поэтому структурные синонимы могут сравниваться между собой по степени их частот-

ности. В синхронном плане качественно-количественный аспект для сопоставления выглядит иначе, чем при анализе исторического развития языка. В последнем случае элементы, важные для исторических преобразований системы языка, могут на первых этапах своего возникновения не обладать высокой частотностью, и поэтому понятия «больше—меньше» и «важное—неважное» не обязательно коррелятивны. При сопоставлении языков количественный момент и частотность тех или иных структур создают определенный типологический облик языка. Например, характеризуя строй турецкого языка в сопоставлении с английским, Х. Сэбюктекин пишет: «В турецком доминирующим морфологическим приемом является суффиксация. Грамматические функции, которые она выполняет, не только охватывают все морфологические процедуры английского языка, за исключением словосложения, но и распространяются на некоторые области, находящиеся в ведении синтаксиса. Конечно, нельзя ожидать, чтобы два языка имели равную дистрибуцию своих формообразующих приемов, даже если они имеют их одинаковый набор. Естественно, будут перекрестные частичные совпадения. Так, в то время как английский обладает изменяемым прилагательным с аффиксом сравнительной степени *-er* (*long-er*), соответствующая форма в турецком представляет собой словосочетание *daha uzun* (более длинный). Но обратное также очень обычно, как в примерах *my father* (мой отец), *baba-m* 'отец+аффикс принадлежности 1 л. ед. ч.' Однако при подобных взаимных расхождениях в распределении грамматических приемов коэффициент турецкой суффиксации явно выше». ⁵ Известно, что, как и в других агглютинативных языках, турецкие аффиксы моносемантичны и последовательность их в формах слов подчинена определенным правилам.

При известном подобии парадигматического строения лексико-грамматических разрядов (частей речи) уровень внутрипарадигматической омонимии и оппозиция нулевых и аффиксальных форм совершенно различны в английском и турецком языках. При полной омонимии форм самого глагола в простом прошедшем времени в английском языке (*I, you, he, she, we, they wrote*), где отнесенность действия к лицу показывает самостоятельное местоимение, в турецком языке внутрипарадигматическая омонимия отсутствует (*yazdim* 'я написал', и далее — *yazdin, yazdi, yazdik, yazdiniz, yazdilar*). Если для английского глагола в спряжении настоящего времени аффиксом *-s* отмечено 3 л. ед. ч. при нулевом аффиксе для всех других личных форм глагола, то в турецком языке именно 3 л. ед. ч. имеет нулевой показатель. Однако подобные различия касаются соотношения отдельных элементов в пределах одного уровня грамматики и определяют формы дистрибуции тех или иных морфологических формантов. Что касается самой направленности в выражении грамматических значений, то в обоих приведенных языках она опирается на парадигму син-

тетического склада, характеризующую оппозицией отдельных ее слагаемых и меной маркеров.

Иная картина обнаруживается в указанных языках, если подойти к ним со стороны выражаемых семантических категорий. Продолжая иллюстрации из области глагольных значений, отметим, что семантические категории, связанные с субъектно-объектной направленностью действия, принадлежат к тем основным понятиям, которые так или иначе находят свое выражение в языке. В качестве коррелята предложения трехчленной конструкции, передающей действие, направленное от активного субъекта на объект, может при сохранении того же содержания быть использована структура с глаголом-сказуемым в форме страдательного залога. Несмотря на то что отдельные лингвисты отрицают для сочетания *be+прич. II* в английском языке статус морфологической категории, называя это «пассивной конструкцией», большинство авторитетных грамматик современного английского языка отмечают *be+прич. II* как форму страдательного залога. Дж. Керм констатирует только два залога в английском языке — действительный (*active voice*) и страдательный (*passive voice*) — как принадлежащие к области морфологии.⁶ Основное доказательство существования залога как грамматической категории современные лингвисты видят в отношениях трансформаций, которые связывают, например: *The wind blew the tree down* 'ветер повалил дерево' и *The tree was blown down by the wind* 'дерево было повалено ветром'.⁷

При трансформации преобразование затрагивает два грамматических уровня: на уровне глагола происходит замена формы действительного залога формой страдательного залога; на уровне предложения видоизменяются два его элемента, а именно: субъект актива становится агенсом в пассиве, а объект актива становится субъектом в пассиве. Пример: *The butler murdered the detective* 'дворецкий убил сыщика' и *The detective was murdered by the butler* 'сыщик был убит дворецким'. Хотя «исполнитель действия» в обоих случаях один и тот же, его грамматическое выражение в приведенных предложениях различно.⁸ Именно соотносительность двух парадигматических рядов — действительного и страдательного залогов — служит гарантией включенности данных форм в морфологию английского языка.

Формы страдательного залога представлены во всех временных категориях английского глагола. Последнее нельзя сказать о сочетаниях с глаголами *get* и *to become* в служебной функции, сближаемых отдельными грамматистами с пассивом *be+прич. II*. В примере, приводимом Дж. Кермом⁹ *He is married now, but I can't tell you when he got married* 'он сейчас женат, но я не могу вам сказать, когда он стал женатым', для так называемого «пассива состояния» и «пассива действия» использованы разные служебные глаголы. Разумеется, формы со вспомогательным глаголом *be* тоже имеют значения «пассива действия» (*The door was*

locked at six 'дверь была заперта в шесть часов'), но в сочетаниях прич. II с *get* или *become* подчеркнут момент становления или начала действия. Неполный охват временной парадигмы и стилистически ограниченное функционирование конструкций *get* + прич. II исключают, на наш взгляд, возможность расценивать их как грамматически эквивалентные формы страдательного залога.¹⁰ Семантика «пассивности» шире значения категории страдательного залога, выражение этой семантики может обеспечиваться многими средствами языка. Вместе с тем, сочетание *be* + прич. II не только включает ряд омонимов, но и сама форма страдательного залога, образуемая с *be*, имеет определенный спектр значений, обладает известным набором семантических вариантов и поэтому окружена синонимами.

Конструктивные возможности языка для генерации синонимов очень велики, и нельзя только на основании сходного значения «записывать» все обороты в грамматику, тем более в морфологию. Поэтому выдержанность парадигмы по форме и ее стержневому значению, обособление такого значения по признаку его противопоставленности другим грамматическим категориям в системе данного языка, универсальность в употреблении форм, составляющих эту парадигму, — вот те признаки, которые позволяют отнести рассматриваемый феномен к области морфологии.

В турецком языке страдательная форма образуется с помощью аффиксов, присоединяемых к глагольным основам. Например: *yazmak* — 'писать', *yazılmak* — 'быть написанным'. Другие залоговые формы тоже представляют собой второобразные глагольные основы с особыми аффиксами.¹¹ Возвратная форма с аффиксом *-n-*, например *giymek* 'одевать' — *giyinmek* 'одеваться', *uykamak* 'мыть' — *uykanmak* 'мыться'. Взаимная форма с аффиксом *-ş-*, например: *yazmak* 'писать' — *yazışmak* 'писать друг другу', *itmek* 'толкать' — *itişmek* 'толкать друг друга'; каузативная (понижительная) форма глагола с аффиксом *-dir/tir*, например: *yazdırmak* 'заставить писать', *yedirmek* 'заставить есть', 'накормить' (*uymek* 'есть'). То же самое наблюдается и в других языках тюркской группы. Последовательно-морфологическое выражение залоговых значений не исключает полисемантизма производных (второобразных) глаголов. Значение пассивности (страдательный залог) тесно связано с возвратным значением, что побуждает некоторых исследователей говорить о «страдательно-возвратной» форме, объединяя «глаголы, выражающие подверженность действию, глаголы, выражающие совершение действия для себя».¹² Семантика залогового значения осложняется еще понятием обычности, повторности, многократности, учащенности действия.¹³ Часты лексикосемантические модификации производных основ по сравнению с основами производящими. Однако общий характер морфологической противопоставленности простых и производных (второобразных) глагольных основ по линии разности залогового содержания проходит единообразно в группе тюркских языков,

хотя, разумеется, существуют лексические ограничения для образования производных глаголов. С этой точки зрения аффиксы, сообщающие глагольным основам залоговые значения, не достигают такой степени универсальности, как, например, аффиксы глагольных времен, и в ряде случаев скорее могут быть сопоставлены со словообразовательными морфемами флективных языков, нежели с морфемами словоизменительными.

Значения каузативности, возвратности, совместности действия передаются в английском языке на уровне словосочетаний разной степени формализации. За редкими исключениями,¹⁴ авторы научных грамматик английского языка не считают соединение переходного глагола с возвратным местоимением (he washed himself 'он умылся') аналитической формой возвратного залога. Среди широкого круга значений и ряда синтаксических функций, выполняемых возвратными местоимениями английского языка, существует использование их в роли дополнения при переходных глаголах. Благодаря семантике такого дополнения (субъект и объект действия совпадают) возникает значение возвратности в пределах данной синтаксической конструкции, хотя he dressed himself quickly и he dressed quickly в равной мере понимается как 'он оделся'.¹⁵ В плане грамматико-семантического преобразования превращение переходного глагола в непереходный часто имеет своим промежуточным этапом употребление переходного глагола с возвратным местоимением. Передавая рефлексивно-медиальное значение (сосредоточение действия в сфере субъекта), сочетания глагола с возвратным местоимением остаются на уровне синтаксиса, тем более что сам «возврат» действия на субъект зависит от лексического значения глагола (he blamed himself 'он осуждал себя' — никакого возвратного значения не имеет). Одна из турецких конструкций по синтаксической структуре напоминает английский оборот с возвратными местоимениями. Подразумеваются случаи, когда употребляется в турецком форма имени kendî 'сам', принимающая соответствующие притяжательные суффиксы. Как все имена, kendî может склоняться и с другими именными суффиксами (kendimden 'от меня'). По составным элементам kendisini öldürdü подобно английскому She killed herself (букв. 'она убила себя').

Описание взаимности или совместности действия может быть заключено в самом значении глагола и подчеркнуто контекстом (We met at the post office 'мы встретились на почте') или выражаться добавлением each other, one another (Pushing one another they rushed into the room 'толкаясь, они ворвались в комнату'). В любом случае категория взаимности остается за пределами морфологии. Наиболее последовательно в отношении формы передачи представлена в английском языке категория каузативности: специализация служебного глагола, далеко отошедшего в своем значении от глагола полнозначного (I made him write a short notice 'я заставил его написать короткую записку'), устойчивость

данной глагольной конструкции и ее лексическая емкость (то есть отсутствие лексической избирательности) вводят оборот *make+(дополнение лица)+инфинитив* в круг словосочетаний с грамматической направленностью. Однако отсутствие в английском языке специальной парадигмы каузативного спряжения, которая охватывала бы всю систему глагольных времен и была бы противопоставлена действительному залогоу по форме и содержанию, мешает, на наш взгляд, признать каузативные конструкции частью аналитической морфологии (в отличие от противопоставленных парадигм действительного и страдательного залогов) и заставляет нас относить каузативность к лексико-синтаксическим категориям строя английского языка.

Таким образом, если в турецком языке (и шире, в тюркских языках) в пределах формы слова выражены залого — действительный, страдательный, возвратный, взаимный и понудительный, — то в английском языке в пределах морфологии находят свою реализацию только два залога — действительный и страдательный. Разумеется, на деле картина оказывается гораздо более сложной, чем то, что было схематично изложено выше. Залоговые отношения более чем какие-либо другие тесно связаны с лексическими значениями самих глаголов, а кроме того, поскольку реализация залогов происходит в пределах предложения — при выражении субъектно-объектных связей, — многое в уточнении направленности действия зависит от структуры предложения и, в целом, от синтаксического контекста. Синонимическое окружение залоговых конструкций, ядром которых служит залог как морфологическая категория, полисемантизм формантов глагольных основ, лексические ограничения в образовании залоговых коррелятов к той или иной глагольной основе — все это требует внимательного и тонкого анализа системы залоговых значений в тюркских языках. Взятые иллюстрации имели своей целью показать, что лишь упорядоченность в формальной передаче того или иного понятия, находящего свое выражение в языках различного строя, позволяет говорить о грамматических и, более специально, о морфологических категориях, имеющих по своей делимитации большие различия, хотя средства грамматического строя каждого языка дают возможность передавать все необходимые оттенки значения.

Категоризация того или иного значения связана не только со средствами его выражения, но и с выделением семантико-грамматических участков системы данного языка. Поэтому принадлежность тех или иных категорий к области морфологии — момент не чисто формальный, а обязательно соотносимый с распределением и определением опорных пунктов грамматической структуры языка как с внешней, так и с внутренней сторон ее организации. В разноструктурных языках всегда найдутся точки совпадения. Легко могут обнаружиться единообразные (универсальные) тенденции. Например, преобразование непереходных

глаголов в переходные, как в английском, так и в турецком языках, часто имеет в качестве промежуточного этапа их употребление в значении понудительных. Примеры: англ. Joe stood against the wall 'Джо стоял у стены'; They stood Joe against the wall 'Они поставили (заставили стать) Джо у стены'. Известно, что в турецком поэтому возможна «вдвойне» понудительная форма: *yemek* 'есть', *yedirmek* 'заставить есть', 'накормить', *yedirtmek* 'заставить накормить'. Широкие понятийные сферы находят себе выражение в любом языке, но не только средства передачи этих понятий, но и сам характер реализации понятий в семантической системе языка зависят от его структурно-типологических особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ K u r y ł o w i c z. J. La notion de l'isomorphisme. «Travaux du cercle linguistique de Copenhague», 5, 1949; L o n s J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1971. p. 55.

² А л м о н и В. Г. Проблема «уровней языка» и кризис соссорианской лингвистики. — В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969 с. 240.

³ Головин Б. Н. Введение в языкознание. М., 1973, с. 218—219.

⁴ Головин Б. Н. К вопросу о паралигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса. — В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969. с. 77.

⁵ S e b ü k t e k i n H. Turkish-English contrastive analysis. The Hague—Paris, 1971, p. 22.

⁶ C u r m e G. A grammar of the English language, vol II. Parts of speech and accidence. New York, 1935, p. 203.

⁷ P a l m e r F. A linguistic study of the English verb. London, 1965. p. 64.

⁸ A grammar of contemporary English by R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik, London, 1972, p. 801—802.

⁹ C u r m e G. A grammar. . . , p. 218.

¹⁰ Вспомогательным глаголом для пассива обычно служит *be*.

Его единственный серьезный конкурент *get* ограничен конструкцией, где отсутствует выраженный одушевленный агент (*The boy got hurt on his way home from work*, но невозможно **The boy got given a violin by his father*). Конструкцию с *get* избегают в строгом литературном стиле. Даже в обиходном английском она гораздо реже встречается, чем пассив с *be* (*A grammar of contemporary English*, p. 802).

¹¹ К о н о н о в А. Н. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, p. 116.

¹² Д ы р е н к о в а Н. П. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 125.

¹³ К о н о н о в А. Н.. Грамматика турецкого языка, с. 110.

¹⁴ Ж и г а д л о В. Н., И в а н о в а И. П., И о ф и к Л. Л. Современный английский язык. М., 1956, с. 138.

¹⁵ C u r m e G. A grammar of the English language, v. III. Syntax. New York, 1931, p. 100.